

ХРОНИКА

Сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по истории Крыма

В конце мая 1952 г. в Симферополе состоялась сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии Наук СССР, посвященная обсуждению важных вопросов истории Крыма. В работах сессии принимала активное участие большая группа московских и ленинградских историков и археологов, возглавляемая акад. Б. Д. Грековым, и многочисленные работники научных учреждений Крыма. Сессия пользовалась большим вниманием и поддержкой партийных и общественных организаций области. Заседания сессии происходили в здании Симферопольского горкома КПСС. Доклады и выступления участников сессии почти полностью публиковались в «Крымской правде». Итоги сессии были подведены в центральной печати в статьях акад. Б. Д. Грекова «О некоторых вопросах истории Крыма» («Известия» от 4 июня 1952 г.) и С. Селюка «За глубокое изучение истории Родины» («Правда» от 4 июня 1952 г.).

В резолюции сессии ее задачи были сформулированы следующим образом: «... координация работ всех советских историков и археологов, исследующих историю Крыма, подведение итогов проделанной работы, выявление путем критики ошибок и недостатков в работе и преодоление этих ошибок для обеспечения правильного марксистско-ленинского изучения истории Крыма, как неотъемлемого звена истории СССР, и прежде всего русской истории».

Для всестороннего обсуждения всех указанных задач участники сессии заслушали вводное слово акад. Б. Д. Грекова и доклады: Б. А. Рыбакова «Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований», В. Д. Блаватского «О недостатках и задачах в изучении античных государств Крыма», П. Н. Шульца «О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма», второй доклад Б. А. Рыбакова «Славяне в Крыму и на Тамани», В. П. Бабенчикова «О результатах археологических раскопок в Коктебеле», С. А. Секиринского «О переоценке роли генуэзских колоний в истории Крыма», Н. А. Смирнова «Воссоединение Крыма с Россией и его прогрессивное значение», Ф. А. Загородских «Военная интервенция американо-англо-французских империалистов в Крыму в 1918—1920 гг.» и П. Н. Надинского «Крым в период Великой Отечественной войны». Таким образом, значительная часть докладов была посвящена древней истории Крыма. Большинство докладов сопровождалось оживленными прениями. Итоги сессии были подведены на заключительном заседании акад. Б. Д. Грековым.

Б. А. Рыбаков в своем докладе указал на то, что при изучении истории Крыма необходимо учитывать специфику полуострова, находящегося на границе восточноевропейского и средиземноморского миров, что Крым всегда был неразрывно связан с Русской равниной и поэтому его история является неотъемлемой частью истории Восточной Европы. Основание в Крыму греческих городов-полисов привнесло его к высокой античной цивилизации. Большое прогрессивное значение имело образование в Крыму скифского государства, выдвинувшее на первое место абори-

генные племена Причерноморья. Отрицательно влияло на развитие местных производительных сил завоевание Крыма Римом и Византией, которые рассматривали полуостров как объект эксплуатации и опорную базу агрессивных планов. Связи Крыма с древними славянскими племенами лесостепи начались еще во второй половине I тысячелетия до н. э.; однако при современном состоянии наших знаний можно говорить о появлении славян в Крыму и на Тамани примерно с III в. н. э.

Докладчик указал на основные ошибки буржуазных историков в деле изучения Крыма. К ним относится прежде всего пренебрежение к истории местных тавских, скифских и синдо-меотских племен. Обстоятельно критиковалась докладчиком готская теория Ростовцева, представляющая собой новый вариант норманизма, применительно к III—IV вв.: «История появления и жизни славян в Крыму,— говорит Б. А. Рыбаков,— была затемнена готско-варяжским туманом, фальсифицировалась буржуазной наукой, не изучалась».

Переходя к оценке работ советских ученых, докладчик указал, что гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания» помог освободиться от ряда старых ошибок и указал путь дальнейшего углубленного изучения истории. Советские историки и археологи обратили большое внимание на изучение местных крымских племен: исследуется история классовой борьбы, создан ряд монографий и общих работ со значительным географическим и хронологическим охватом, по-новому ставится проблема всемирно-исторической роли славян в эпоху крушения рабовладельческой формации. Советские исследования Крыма во многом стали образцом для мировой науки. Однако в историографии 1930—1952 гг. имеется ряд серьезных недочетов. Большой вред нанесло делу изучения истории Крыма влияние «ученика» Н. Я. Марра; так, например, у Равдоникаса в работе о пещерных городах Крыма (1932 г.) изучение конкретных народов подменено стадиями: киммерийской, скифской, сарматской и готской. Отголоски теории стадиальности имеются и в книге Д. П. Каллистова «Очерки по истории Северного Причерноморья» (1949 г.). В работах П. Н. Шульца и П. Н. Надинского, вышедших в свет уже после дискуссии по вопросам языкоznания, проводится ошибочный тезис о прямых генетических связях скифов со славянами, вопреки данным сравнительного языкоznания.

В некоторых работах, как, например, в книге Д. П. Каллистова, все еще преуменьшается уровень развития местных племен, отрицается слияние греческого и местного населения, влияние местного населения на облик греческих городов, сложение скифского государства уже в середине IV в. до н. э. Важным недостатком советской историографии является отсутствие ясности в вопросе о времени окончательного формирования феодальных отнопений в Крыму; советские историки должны показать действительную незначительную роль готских племен в истории полуострова. В заключительной части доклада Б. А. Рыбаков призвал участников сессии к развертыванию самокритики и товарищеской критики с тем, чтобы общими усилиями помочь делу создания правдивой и полноценной истории Крыма и почти двухтысячелетней истории русского населения в Крыму.

Б. Д. Блаватский начал свой доклад с оценки вклада русской дореволюционной науки в изучение античных древностей нашего Юга. Отметив ее заслуги в деле собирания, систематизации и разработки обширного материала, докладчик указал на пороки работ дореволюционных историков, стоявших на идеалистических позициях, отрицавших значение классовой борьбы, уделявших внимание одним надстроенным явлениям, сводивших экономику только к торговле и находившихся в значительной степени под влиянием зарубежной литературы. Советская наука достигла больших успехов в деле изучения Северного Причерноморья: добыто много новых материалов, написан ряд серьезных исследований, как, например, книга А. М. Зографа «Античные монеты» (1950 г.). Однако во многих работах по античной археологии имелись значительные недостатки, к ним относятся разработка второстепенных вопросов и невнимание к основным проблемам. Космополитические тенденции сказались в работе С. А. Кауфман о боспорских склепах. Важным недостатком является насилиственное втискивание истории Северного Понта в мало подходящую схему

периодизации по рубрикам: археика, классика, эллинизм, римский период. В качестве примера докладчик приводит свою книгу «Искусство Северного Причерноморья античной эпохи» (1947 г.) и «Боспорское царство» В. Ф. Гайдукевича (1949 г.). Анализируя затем учебники Р. С. Сергеева и Н. А. Машкина по древней истории, В. Д. Блаватский указывает, что Северное Причерноморье расценивается в этих учебниках по преимуществу лишь как арена борьбы между Митридатом и Римом. В книге Д. П. Каллистова выдвигается положение, что эллины и местные обитатели Северного Причерноморья всегда были чужды друг другу; в книге Г. И. Белова «Херсонес Таврический» (1949 г.) преувеличена роль торговли в экономике раннего Херсонеса.

У археологов, следовавших за Марром, чрезмерное развитие получило автохтонизм; притом местные племена в работах последователей Марра нередко выступают как обезличенная масса. В качестве памятников местного населения преподносятся наиболее примитивные предметы (лепные горшки, скорченные кости и т. д.). Изучение этих памятников тоже необходимо, но надо главное внимание направить на такие моменты, как «хозяйство Боспора, или своеобразие его архитектуры, или особенности боспорской торевтики», где сочетание эллинских и местных достижений дало новое качество.

В. Д. Блаватский подчеркнул, что «неправильная точка зрения, паязываемая марровским автохтонизмом, приводит к тому, что всю античность нашего Юга рассматривают как явление чисто напоснное и враждебное всему местному». Между тем переселенцы в античных городах Крыма в течение тысячелетия стали уже крымским населением, чего не понимает П. Н. Надинский. Прогрессивная роль античных государств Северного Понта выразилась в развитии их производства, земледелия, ремесла, культуры и искусства. Заметное своеобразие античной культуры Северного Причерноморья в значительной мере было вызвано ролью местного населения. Докладчик считает необходимым ограничить положительное в общем влияние античных эллинских городов на развитие местного населения от воздействия Рима, преследовавшего по преимуществу военные цели. Изучение истории синдов, меотов и других племен нужно вести в самой тесной связи с исследованием истории местных античных центров.

П. Н. Шульц начал свой доклад с указания на необходимость пересмотреть вопрос о возникновении племен и народностей, населявших нашу Родину, в свете гениальных трудов И. В. Сталина. В изучении истории Северного Причерноморья, как до Великой Отечественной войны, так, отчасти, и в послевоенный период, имела место тенденция к недооценке роли местного населения наряду с переоценкой роли античных колоний, например, в вышеуказанной работе В. Д. Блаватского. Источником этой тенденции явилось влияние взглядов Ростовцева, Кондакова и др., выразившееся наиболее ярко в механическом перенесении периодизации истории Греции и Рима на Северное Причерноморье. Другая крайность, восходящая к порочным принципам Марра, наметилась в преувеличении роли местных племен. Эта крайность проявилась в утверждении о «киммерийских городах», в попытках трактовать Ольвию как «скифский город» (Капошина) и т. д. «Некоторые исследователи,— говорит докладчик,— считали возможным... делать вывод об этнической связи скифов со славянами (Граков в заключении к работе „Скифи“, Шульц в ряде статей) и рассматривать скифов, как прямых предков славян (Надинский)». П. Н. Шульц предлагает следующую периодизацию исторического развития тавров: а) Тавры ранней поры (первая половина I тыс. до н. э.) живут разрозненными родами и племенами, занимаются пастушеством и мотыжным земледелием. Основной погребальный обряд — камен-пастушеством и мотыжным земледелием. К этому времени относится Кизил-кобинская культура. б) Тавры средней поры (V—II вв. до н. э.) возглавляются «басилеями»; начинается рыболовство, мореплавание, морские разбои. Появляются крупные племенные убожища с циклоническими стенами (Ай-Тодор). Начало появления грунтовых могил. в) Тавры поздней поры (II в. до н. э.— первые века н. э.) создают, повидимому, систему укрепленных убожищ; вероятно, возникает племенной союз. г) Тавры —

ры времени раннего средневековья («Тавро-скифы») ассилируются со скифами и сармато-аланами.

Докладчик предлагает следующую пятичленную периодизацию истории скифов: а) Скифы ранней поры (VII—VI вв. до н. э.) — кочевники, представлены курганами со сравнительно бедным инвентарем. б) Скифы средней поры (V в.) представлены Золотым и Ак-Мечетским курганами. Наличие имущественной дифференциации. в) Скифы времени формирования государства (IV в.) создают царство Атей; представлены «царскими» курганами (Чертомлыцким и Солоха на Днепре и Куль-Оба в Крыму). Наблюдается рост оседлости, переход к земледелию и хлеботорговле. г) Скифы поздней поры (III—II вв.); возникают скифские укрепленные города (Неаполь, Хабеи, Палакий и др.), усиливается классовая дифференциация. Расцвет позднескифского рабовладельческого государства (Скилур и Палак). д) Позднейшие скифы (I в. до н. э.—III—IV вв. н. э.). Новый подъем при Фарзое и Инниписмее, затем упадок, начинаясь III в. н. э. По мнению докладчика, трактовка скифского государства как конгломерата различных племен и отрицание скифской народности (Третьяков) являются неправильными. Поворотным моментом в истории Северного Причерноморья он считает укрепление позднескифского государства и в особенности восстание на Боспоре, когда античные города начали тормозить развитие местных племен.

В трактовке скифской проблемы П. Н. Шульц намечает три группы спорных положений: а) Роль скифов в этногенезе славян; после появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкоznания «назревает необходимость в пересмотре вопроса о роли скифов в формировании восточного славянства». б) В вопросе о времени возникновения скифского государства следует отвергнуть ошибочные взгляды о существовании скифской державы в VII—VI вв. (Ростовцев) и о возникновении скифского государства лишь при Скилуре (Артамонов, Третьяков, Каллистов). Скифское государство возникло при Атее. в) В вопросе о характере скифского государства П. Н. Шульц возражает против его трактовки как дофеодально-варварского (Юшков, Каллистов, частично Артамонов), эллино-скифского (Жебелев) и тавро-скифского (Гайдукевич). К сожалению, докладчик не предложил своего определения характера скифского государства. Заключительную часть доклада П. Н. Шульц посвятил характеристике путей проникновения сармато-аланских племен в Крым.

В своем втором докладе Б. А. Рыбаков дал развернутую оценку важной исторической роли славян в Крыму и на Тамани. Он указал, что по этому вопросу у советских историков и археологов существуют две противоположные и одинаково ошибочные точки зрения: согласно одной из них, нигилистически относящейся к проблеме славянства на юго-востоке (М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин, А. Н. Насонов и др.), полностью отрицается «Черноморская Русь» и раннее появление славян-антов на побережьях Черного и Азовского морей вплоть до X в. н. э. Сторонники второй точки зрения (П. Н. Шульц, П. Н. Надинский и А. К. Югов) произвольно относят время появления славян в Крыму, вопреки исторической реальности, чуть ли не к гомеровским временам. Докладчик, опираясь на многочисленные сведения славянских, византийских и арабских источников, широко привлекая данные археологии, эпиграфики и кавказских народных сказаний, показывает, что уже в эпоху господства Рима в Причерноморье венеды-анты проникали на берега Понта и как временные завоеватели и как поселенцы. Особенно ощутимо наличие славян в Крыму и на Боспоре начиная с III—IV вв. н. э. В последующие века вплоть до походов Святослава, увенчавшихся созданием Тмутараканского княжества, славянская колонизация побережий Черного моря все более усиливается. В эпоху существования русского Тмутараканского княжества с особенной полнотой осуществлялись плодотворные связи Крыма и Руси, имевшие очень большое значение для нормального развития Крыма.

Доклад В. П. Бабенчика был посвящен открытию в 1949—1951 гг. трех храмов VI—VII, VIII—IX и первой половины X вв. в Коктебеле. Архитектура большого Коктебельского храма VIII—IX вв., в частности арки, установленные на «пятах», имеет много общего с построением древнерусских храмов. Местная керамика

принадлежит к салтово-маяцкому, хазаро-булгарскому и славянскому типам. В 40 км юго-западнее Коктебеля обнаружен крупный центр гончарного производства (18 печей), где изготавливались сосуды, аналогичные найденным в Коктебеле. Докладчик допускает предположение, что обитатели раскопанного поселения могли быть славянами-росами, которые в X в. овладели Тмутараканью и влились в состав Киевского государства.

В докладах С. А. Секиринского, Н. А. Смирнова, Ф. А. Загородских и П. Н. Надинского освещались различные вопросы позднесредневековой, новой и новейшей истории Крыма.

В прениях по докладам выступало большое число участников сессии; из них П. Н. Надинский, Д. П. Каллистов, В. Ф. Гайдукевич и М. А. Фронджуло полностью или в весьма значительной степени касались вопросов древней истории Крыма. П. Н. Надинский в своем выступлении критиковал тех антиковедов, «которые чрезвычайно преувеличивали роль греков и римлян в древней истории Крыма, изображая их как просветителей-культуртрегеров, якобы оплодотворявших своей культурой местное „варварское“ население, и, наоборот, всячески занижали роль местного населения, которое изображалось диким». В качестве примера он указал на книгу В. Д. Блаватского «Искусство Северного Причерноморья». Затем П. Н. Надинский резко выступил против П. Н. Третьякова и С. А. Никитина, считающих, по его словам, что Крым в древности не был славянским. Что касается собственных положений П. Н. Надинского, которые критиковались многими докладчиками и участниками сессии, то он продолжает считать, что «отдельные земледельческие скифские племена являлись древнейшими славянскими племенами», и, таким образом, «речь идет не о перевоплощении скифов в славяне». В конце своего выступления П. Н. Надинский обратил внимание на недопустимость аполитичной популяризации лиц, враждебно к нам настроенных, как, например, М. И. Ростовцева.

Д. П. Каллистов остановился в основном на двух вопросах: о взаимоотношении между скифами и славянами и о существовании двух «миров» («варварского» и эллинского). Он считает, что связи между скифами и славянами несомненно существовали; однако П. Н. Надинский неправильно сформулировал свой тезис о происхождении славян. Д. П. Каллистов полагает, что правильной была точка зрения Б. Н. Гракова, от которой сам он позже отказался, сформулированная им в 1947 г., согласно которой «скифам принадлежало не последнее место» среди предков восточных славян. Что же касается существования двух миров в Крыму, то сам факт существования двух отдельных миров Д. П. Каллистов считает неоспоримым; первоначально взаимоотношения между этими мирами выливались в форму эллинизации, а затем, во время упадка античного общества эллинизация сменяется варваризацией.

М. А. Фронджуло посвятил свое выступление ненормальным отношениям между Институтом истории материальной культуры и крымскими археологами в связи с открытиями в Коктебеле, о которых докладывал данной сессии В. П. Бабенчиков. По мнению Фронджуло, некоторые археологи из ИИМК (А. Л. Монгайт и И. И. Ляпушкин) в отличие от Б. А. Рыбакова не хотели обсуждать вопрос о коктебельских находках в духе товарищеской критики. М. А. Фронджуло предложил открыть на страницах КСИИМК дискуссию о славянской культуре на юге, в частности о керамических находках последнего времени.

В своем выступлении В. Ф. Гайдукевич поддержал «ту четкую и ясную формулировку прогрессивной роли греческой колонизации Северного Причерноморья, которая нашла место в докладах Б. А. Рыбакова и В. Д. Блаватского». Он подчеркнул необходимость комплексного изучения античных и местных памятников. Борьбу следует вести на два фронта: против идеалистических взглядов буржуазной науки на античность и против вульгаризаторских антимарксистских тенденций «учения» Марра. В. Ф. Гайдукевич считает, что в нашей литературе часто значительно преувеличивается вывоз рабов из Северного Причерноморья в классическую Грецию в то время, как «основной статьей экспорта всегда были скифская пшеница, рыба, продукты животноводства. Вывоз же рабов имел незначительный

удельный вес». Неправильно также изображать античную колонизацию по образу и подобию капиталистической колонизации. В древности колонии порывали связи с метрополией. От модернизации античной колонизации предостерегал и Маркс. Этого не понимает П. И. Надинский.

Затем В. Ф. Гайдукевич полемизировал с двумя положениями доклада В. Д. Блаватского. Первое его возражение касалось вопроса об использовании массового рядового материала, в частности лепной керамики. Опасность состоит не в приижении местной культуры, а в «антиковедческом формалистическом эстетствовании, нашедшем отражение, например, в некоторых недавно вышедших работах по истории искусства Северного Причерноморья». Во-вторых, влияние Рима на Северное Причерноморье следует оценивать не само по себе, но в связи с тем, что он поддерживал рабовладельческую верхушку античных государств Северного Причерноморья в борьбе против восстаний порабощенных масс и напора «варваров». В заключение В. Ф. Гайдукевич остановился на связанном с влиянием Марра преибуждительном отношении к античному искусству. Крикливому тезису Марра «Долой милосскую Венеру, да здравствует мотыга», который находится в резком противоречии с большим уважением К. Маркса к древнегреческому искусству, все еще следуют некоторые советские археологи. Последствием этого тезиса Марра В. Ф. Гайдукевич считает теорию двухсторонности греческой колонизации (А. А. Иессен) и игнорирование какой бы то ни было роли античной цивилизации в формировании скифской культуры (П. Н. Шульц, П. И. Надинский и др.).

После всестороннего обсуждения докладов сессия приняла развернутую резолюцию, в которой были подведены итоги и намечен план дальнейших работ по изучению истории Крыма. Значительная часть резолюции относится к древней и ранне-средневековой истории Крыма. В резолюции говорится:

«Отмечая наличие ряда достижений в работах по истории Крыма и Причерноморья, сессия констатирует, что до сих пор еще не изжиты многие ошибки и недостатки в этой области. В основном эти ошибки сводятся к тому, что история Крыма освещалась оторванно от истории Русского государства и русского народа.

Не полностью изжиты традиции буржуазной науки, занимавшейся по преимуществу античными городами и игнорировавшей изучение коренного населения; не преодолено вешеведческое отношение к археологическим источникам. В той или иной степени указанные недостатки оказались в работах В. Д. Блаватского, Г. Д. Белова, В. Ф. Гайдукевича, И. Б. Зеест и др.

В изучении истории Крыма наблюдалась фальсификация исторической роли готов. Готы, составлявшие в III—VI вв. незначительную часть пришлого населения Крыма и постепенно ассимилированные, объявлялись создателями никогда не существовавшего «готского государства». Эта реакционная теория, созданная для оправдания немецкой империалистической агрессии, проникла и в отдельные работы советских археологов (В. И. Равдоникас).

Особенно большой вред изучению истории Крыма нанесла антимарксистская теория Н. Я. Марра, подменявшая конкретный исторический процесс развития народов вульгарно-схематической «стадиальностью». Схоластическая антинаучная концепция Марра в вопросе этногенеза славян проникла в работы некоторых историков и археологов (Н. С. Державин, М. И. Артамонов, А. Д. Удальцов, П. И. Третьяков и др.). В опубликованных в 1950—1951 гг. работах П. И. Шульца и П. И. Надинского имеются ошибочные положения по этногенезу славян.

Исходя из изложенного, объединенная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала Академии Наук СССР считает очередными задачами в области изучения истории Крыма следующее:

1. Критически пересмотреть ошибочные положения и концепции в отношении исторического прошлого Крыма в свете гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоизнания». Организовать работу по созданию подлинно научной истории Крыма в ее неразрывной связи с историей русского народа.

2. Тщательно и разносторонне изучать связи коренного населения Крыма с зем-

ледельским населением Восточной Европы во все эпохи, обратив особое внимание на связи с древними славянами.

3. Приступить к систематическому изучению культуры неолита и бронзы.

4. Усилить внимание к изучению истории древних племен — киммерийцев, тавров, синдов, меотов, сарматов и др.

5. Продолжить изучение греческих городов и сельских поселений, обратив особое внимание на вопросы городского и сельского хозяйства, социальные отношения и классовую борьбу.

6. Продолжить изучение скифского государства в Крыму.

7. Рассмотреть и дать исследования о римской оккупации в Крыму.

8. На основе глубокого изучения разоблачить фальсификацию истории готов, как варианта реакционной норманистской теории.

9. Изучить конкретные формы перехода от рабовладельческой формации к феодальной в Крыму.

10. Широко и разносторонне изучать историю проникновения славян и славянских поселений в Крыму.

11. Приступить к систематическому и широкому изучению Тмутараканского княжества и связей его с другими русскими землями.

12. Решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар в истории Крыма.

Развернуть работы Тмутараканской экспедиции по изучению славянских древностей Таманского полуострова и Крыма.

При проведении всех экспедиций руководствоваться принципом комплексности...».

Не может быть никакого сомнения в том, что сессия по истории Крыма явилась значительным шагом вперед в деле разработки подлинно-научной, марксистско-ленинской истории народов и племен Северного Причерноморья.

Я. Л.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ВДИ № 4 за 1951 г. помещена рецензия А. Я. Брюсова на мою работу о неолите Прибайкалья.

Читая эту рецензию А. Я. Брюсова, нетрудно увидать, что ее цели выходят за пределы критики моей работы, что в ней развивается определенная система взглядов. А. Я. Брюсов утверждает, что моя работа якобы не является историческим исследованием, а содержит только материалы и неправильные, с его точки зрения, взгляды. Первая часть этого утверждения просто не соответствует действительности. В данной работе, являющейся результатом двадцати с лишним лет исследовательского изучения неолита Прибайкалья, впервые в монографической форме представлена историография вопроса, дан детальный источниковедческий анализ фактов, подробно изложена история развития производительных сил и хозяйства, общественных отношений, верований, искусства этого времени, т. е. по мере возможности в связном изложении показана история производителей материальных благ. В разработке этих сложных проблем есть, конечно, дискуссионные моменты и требующие дальнейшего дополнительного изучения гипотезы, но от этого,— я думаю,— моя работа не теряет качеств исторического исследования, тем более, что речь идет о малопозученных вопросах. Касаясь второй части утверждений А. Я. Брюсова, следует рассмотреть, какие взгляды он предлагает в замене моих, какой, по его мнению, должна быть «собственно история»? Брюсов фактически требует ограничения исторических исследований передвижениями и столкновениями этнических групп. Важность изучения передвижений племен и народов бесспорна. А. Я. Брюсов должен знать мои работы, где ставились эти вопросы. Однако в данном случае я не вижу фактических оснований, чтобы объяснить смену этапов прибайкальского неолита сменами населения, как хочет А. Брюсов.